

УДК 81'42 (045)

*Н.И. Пушина, Е.А. Широких***ЭКОТЕКСТ В ЛИНГВИСТИКЕ ТЕКСТА**

Статья посвящена экотексту как одному из типов текста в лингвистике текста. В своем современном состоянии лингвистика текста – теория текста, направленная на изучение структуры, семантики, функционирования текста, многогранна и многоаспектна, пересекаясь с проблемами дискурса, семиотики, нарратологии, психолингвистики, что обусловлено расширением и модификацией самого понятия «текст», вследствие его гетерогенности и поликодовости. Расширение типологического диапазона текстов вновь включает проблему их типологии в повестку дня. Экотекст как сравнительно новый тип текста и прежде всего с позиции его всестороннего изучения и описания может заполнить одну из лакун типологии текстов и способствовать решению вопроса о создании общей, глобальной, универсальной типологии, охватывавшей бы все многообразие текстов.

Ключевые слова: экотекст, лингвистика текста, типология текстов, универсальная типология, гетерогенность, поликодовость, семиотический знак.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-4-742-751

Лингвистика текста как теория текста, изначально направленная на изучение структуры, семантики, функционирования текста, в своем современном состоянии многогранна и многоаспектна, на что указывает ее пересечение с проблемами дискурса, семиотики, нарратологии, психолингвистики, обусловленное расширением и модификацией самого понятия «текст», вследствие его гетерогенности и поликодовости.

Расширился и типологический диапазон текстов. Проблема типологии текстов стоит на повестке дня столько, сколько существует лингвистика текста. Попытки упорядочивания в рамках некоторой узкой предметной области или стиля предпринимались и задолго до возникновения науки о текстах, но именно она поставила вопрос о создании общей, глобальной, универсальной типологии, охватывавшей бы все многообразие текстов [1; 11; 13].

Создание единой типологии текстов необходимо в силу ряда причин: 1) для выявления принципов, норм, правил и закономерностей порождения и восприятия текстов; 2) для лингвистического анализа отдельных текстов (важно выявить признаки, присущие только данному типу текста, а также те признаки, которые объединяют его с другими); 3) для описания явления интертекстуальности: типы текста по своей сути интертекстуальны, так как создание и восприятие текста зависит от знания других текстов и владения навыками составления разных типов текста; 4) для выявления признаков «текстуальности» речевого произведения и главных текстообразующих признаков; 5) для окончательного определения «текста» как лингвистической категории.

Можно наметить основные критерии для разграничения различных манифестаций текстов. Ясно, что эти критерии должны слагаться из ряда показателей и охватывать по крайней мере главные признаки текста: информационные, функциональные, структурно-семиотические, коммуникативные, что объясняется самой многоаспектной природой текста. При этом один и тот же текст может быть отнесен к разным типологическим группам при учете разных его аспектов, когда в основание классификации кладутся разные признаки, объективно существующие в тексте. Выбор исходной точки отсчета, в данном случае классификационного критерия, может меняться, и потому могут смещаться и группы текстов в разных классификациях.

По мнению некоторых немецких ученых (В. Хайнеманн, Х. Фатер, Д. Фивегер, К. Бринкер, Ф. Зиммлер, К. Адамчик), тип текста – феномен, интуитивно знакомый носителям определенного языка. Они в состоянии идентифицировать различные типы текста, а также выделять и применять на практике правила, лежащие в основе типологии текстов.

Так, К. Бринкер говорит о трех типах признаков: 1) контекстуальных, или ситуативных, в которых содержатся указания на условия протекания коммуникации; 2) коммуникативно-функциональных, характеризующих тип текста с точки зрения намерения и интенций коммуникантов; 3) структурно-лингвистических (здесь имеются в виду тематические и грамматические признаки) (См. в [9]).

В функциональном аспекте типы текста выделяются прежде всего на основе определенной коммуникативной ситуации. При этом учитываются такие экстралингвистические факторы, как ин-

тенции говорящего (автора текста), сфера коммуникации, отношения между говорящим и адресатом, конкретные условия протекания коммуникативного акта. Именно эти факторы влияют на особенности тематической структуры каждого типа текста и определяют выбор языковых средств.

Функционально-коммуникативный подход, исходящий из функции текста как реализации коммуникативного намерения автора текста, оперирует следующими классами текстов: информирующие, активизирующие и разъясняющие. Далее в иерархии следуют типы текста. Например, деловые и насыщенные событиями информирующие тексты дифференцируются далее на типы по специальным текстovým функциям. Типы текста подразделяются затем на виды текста по доминантно установленному коммуникативному способу: сообщение, описание, инструкция или воззвание выражаются затем в различных видах текста.

К. Ганзель, выделяя рекомендуемый, межличностный и структурированный аспекты, образующие основные границы для классификации типов текста, отмечает, что, например, в таких текстах, как детективные романы, сказки, любовные романы, описание предметов и т.д., доминирует рекомендуемый аспект; к преимущественно межличностным типам текстов относятся пропагандистские, а также объявление, комментарий и др.; к структурированным типам относятся, например, сонет, лимерик, письмо, стихотворение и т.п. Многие типы текстов являются в действительности смешением различных аспектов [14, с. 134].

Можно наметить основные критерии для разграничения различных манифестаций текстов. Ясно, что эти критерии должны слагаться из ряда показателей и охватывать по крайней мере главные признаки текста: информационные, функциональные, структурно-семиотические, коммуникативные.

Разделение текстов на «жесткие» и «гибкие» впервые было предложено И. П. Гиндиным, который утверждает, что у «жестких» текстов свои устоявшиеся формы и порядки. Структуру текстов, относящихся к этому типу, невозможно менять, в качестве примера к ним ученый приводит заявления. «Мягкие» же, или «гибкие», тексты могут меняться в зависимости от того или иного контекста.

Дж. Лемке предлагает типологию текстов как социального феномена, поскольку типы текста складываются исторически в данной языковой общности и чутко реагируют на все изменения, происходящие в обществе: 1) уникальные сакральные тексты, назначение которых – неизменная передача одного и того же текста от поколения к поколению; 2) второй тип текстов возникает тогда, когда люди переходят к осознанию стандарта, жанра, текстового типа; 3) в условиях глобализации и возникновения единой компьютерной сети появляется текст третьего типа, отличительная особенность которого – наличие гипертекста, возможность моментального переключения в любой другой текст, жанр, способ передачи и хранения информации. На первый план здесь выходит гибридизация типов дискурса и отдельных жанров, тотальное размывание границ в едином текстовом пространстве. Текст третьего типа поддержан новой культурой в целом, возможностью переключения предметной деятельности, места работы и жительства, даже собственной идентичности. Эти тексты в своей основе отражают важнейшие признаки эпохи постмодернизма. Главная характеристика данных текстов – возможность постоянных переходов к другим семиотическим образованиям [9].

Э. Верлих еще в 1976 г. определил пять идеализированных типов текста на основе их когнитивных и риторических свойств: описание, повествование, изложение, аргументация и инструкция:

- дескриптивные (описательные) – тексты о явлениях и изменениях в пространстве;
- нарративные (повествовательные) – тексты о явлениях и изменениях во времени;
- объяснительные – тексты о понятийных представлениях говорящего;
- аргументативные – тексты о концептуальном содержании высказывания говорящего;
- инструктивные – например, тексты законов.

Схема Верлиха типична для большинства предлагаемых классификаций прежде всего тем, что в них дается перечень типов текста. Однако легко заметить, что типы текстов все-таки выделяются на основе разных классификационных признаков [12].

Задача данного исследования состоит в атрибутировании экотекста как особого типа текста относительно имеющейся типологии (типологий) текста и установлении его позиционного гнезда, в связи с чем обратимся к анализу рассматриваемого типа текста – экотекста – с позиции присущих ему типологических черт и особенностей.

Озабоченность человечества состоянием окружающей среды, в конце XX в. привела к появлению особой области художественной литературы – эколитературы и, соответственно, к возникновению новой сферы литературоведения – экокритики (ecocriticism) – исследованию отношений между

литературой и окружающей средой. Экокритики и теоретики задаются вопросами следующего порядка: Как природа отображается в сонете? Какую роль играет окружающее пространство в сюжете романа? Есть ли гармония между ценностными составляющими пьесы и экологией? [18] По-видимому, впервые данный термин был предложен Уильямом Рюкертом в 1978 г. в эссе «Литература и экология: Эксперимент в экокритике», где он означал использование экологии и экологических концептов в изучении литературы. Помимо термина «экокритика» используются и другие – *ecopoetics*, *environmental literary criticism*, и *green cultural studies* [18].

Постепенно термин «эколитература» стал пониматься расширительно как «совокупность художественных и нехудожественных произведений, в которых автор делает акцент на взаимодействии с его окружающей средой» [4, с. 9]. Наличие других терминов, используемых для обозначения эколитературы, свидетельствует об интересе к данному явлению – *environmental literature*, *naturewriting*, *ecofiction*, *ecological literature*, *place-based literature*, *nature-oriented literature*.

Экотексты (эколитература), повествуют о взаимосвязи, взаимопонимании человека и природы, об интересе человека к окружающей среде, к тому, что мир открывает человеку, проявляющему к нему добрый интерес, к сохранению этого мира, помощи ему и его обитателям. В связи с этим предлагается определить экотекст в широком смысле как озвученное или фиксированное на письме речетворческое произведение, идейно-содержательную основу которого образуют авторские представления о существующих и или возможных связях человека с окружающей средой и происходящих в ней процессах [7, с. 49]. Значимость таких текстов обусловлена тем, что они формируют коммуникативное пространство, «в котором человеческое отношение к природе можно осознать и изменить» [17, р. 28].

Такое широкое понимание экотекста позволяет рассматривать и его довольно широкую типологию, которая включает любой текст экологической тематики: 1) официальные документы по вопросам экологии – Хартия Земли, Декларация прав коренных народов Земли, Парижское соглашение по климату и т.д.; 2) научные статьи (в терминологии Е. В. Ивановой – ядерный научный дискурс), в частности по эколлингвистике – Е. Naugen «The Ecology of Language», Е. Sapir «Language of Environment», А. Fill «Ecolinguistics: State of the Art 1998», Е. Bialystock «Language Acquisition and Bilingualism: Consequences for a Multilingual Society», М. А. К. Halliday «New Ways of Meaning: The Challenge to Applied Linguistics»; экологии культуры – Д. С. Лихачев «Экология культуры», В. И. Вернадский «Биосфера и ноосфера» и др.; 3) публицистику – многочисленные публикации в СМИ (экотексты как тематический разряд газетно-журнальной публицистики, экологической журналистики, связанной с отношениями информационного плана, к которой относится периодическое освещение проблематики антропогенного воздействия на экосистему планеты, необходимое для нормального и качественного функционирования людей при сохранении природного равновесия); отдельные публицистические издания, к примеру, Дж. Даррелл «Натуралист на мушке» – «How to Shoot an Amateur Naturalist»; 4) художественные произведения; 5) религиозные тексты (Е. В. Иванова отмечает религиозно-проповеднический дискурс в устной и письменной формах); 6) поэтические тексты, воспевающие красоту окружающего мира.

При этом отметим, что в интерпретации текста с позиции дискурсивной проблематики экологический дискурс рассматривался как инвайранменталистский – *the discourse of environmentalism*. Был предложен всеобъемлющий термин *Greenspeak*, связывающий все вопросы, имеющие отношение к окружающей среде, безотносительно к форме их презентации – письменной, разговорной, изобразительной. И рассуждения по поводу всего экологического многообразия должны были учитывать лексический, грамматический и прагматический ресурсы с опорой на знания материального и социального мира.

Экотексты различаются по объему, структуре и имеют языковые особенности, каждая из которых заслуживает детального анализа. Так, В. В. Воронова, иллюстрируя особенности научного экотекста на материале известной книги Тришы Гринхалх (*Trisha Greenhalgh – Environment Today*), выделяет прежде всего разнообразную экологическую тематику, представленную двадцатью главами информативного, профессионально-ориентированного текстового материала, сообщающего точные сведения из области экологии, по сути своей являющиеся отдельными текстами – образцами научной прозы, рассматривающими важнейшие проблемы данной научной области: и загрязнение окружающей среды, окружающей атмосферы, и промышленные выбросы в атмосферу, и отходы производства, и создание альтернативных энергетических источников и т.д. Отмечается использование экологической терминологии – одной из специфических особенностей этих текстов, подчеркивающих

научность излагаемого материала, употребление общенаучной лексики, а также наличие интернациональных слов, широкое использование имен собственных – фамилий ученых, географических названий (страны, города, реки, озера, моря), названий экологических документов, употребление сокращений, схем, химических формул (невербальная научная семиотика). Кроме того, научные экотексты, как и другие научные тексты, отличаются своим синтаксисом (чаще всего, сложным), своей модальностью, залоговыми конструкциями, безличными, неопределенно-личными конструкциями и т.д., что также отмечается исследователями [3, с. 72].

Для других экотекстов, в особенности художественных, типично представление человека в сети многочисленных, многомерных связей, которые «оживляют» изображаемый мир и усиливают авторско-читательское сомышление, отвечая представлениям читателя о связях в мире реальном [7]. Так, выделяется ряд основных отношений, подвергающихся творческому осмыслению: «человек – человек» / human – human (объектом наблюдения и изображения являются взаимоотношения людей, опосредованные влиянием природной среды); «человек – нечеловек» / human-nonhuman (человек и животное, человек и растение и др.); «нечеловек – нечеловек» / nonhuman – nonhuman (внимание писателя сосредоточено на наблюдении за процессами и взаимосвязями в природе).

Примером такого рода текстов являются произведения хорошо известных писателей-натуралистов, писателей-анималистов, таких как Э. Сетон-Томпсон, Дж. Лондон, Д. Хэрриот (Джеймс Альфред Уайт), Д. О. Кервуд, М. К. Ролингс, Р. Чарлз, Дж. Даррелл, М. М. Пришвин, К. Г. Паустовский, В. В. Бианки, И. С. Тургенев и других.

Содержащие ценные сведения об окружающем мире, среде обитания человека, разнообразных представителях животного мира, об их жизни в естественных природных условиях, о сложных отношениях человека и животных, которые не знают условностей «нашего» мира и моментально реагируют на фальшь и доверяют лишь тем людям, в чьих сердцах – доброта, понимание и участие, эти книги читаются как самая увлекательная, самая поучительная беллетристика.

Проблему распространенного в литературе антропоморфизма удачно прокомментировал Онно Оэрлманс: «моделируя сознание представителя фауны, писатель рискует изобразить то, чего не существует». Напрямую очеловечивая животное, автор невольно фокусирует внимание на вымысле подобия, однако «вообще отказаться от анимализма означает значительно снизить воздействие на читателя [16, р. 64]. В этой связи существенную роль в художественной объективации отношений «человек – животное» может играть общая эмотивная тональность и используемые автором эмотивные средства [7].

Анализируя экотексты как с собственно лингвистической точки зрения, так и с экстралингвальных позиций, следует обратить внимание на высокую степень их семиотичности как следствие высокой степени семиотичности окружающего пространства и его экосистем. Примером тому является широко известная книга Дж. Даррелла – английского писателя-натуралиста, основателя Джерсийского зоопарка и Фонда охраны дикой природы, которые сейчас носят его имя, «Натуралист на мушке» – «*How to Shoot an Amateur Naturalist*», посвященная описанию съемок фильмов вблизи берегов Панама и на севере Канады, в американской пустыне Сонора и в национальном парке Африки [5]. Перед нами предстают разные экосистемы, мы видим контрасты природы, многообразный мир животных, окунаемся в атмосферу создания фильмов о животных, встречаемся с интересными людьми, восхищаясь при этом языком, объективирующим авторское восприятие окружающего мира, людей в этом мире, воплощаемое в приемах поэтики художественного текста, несмотря на стилистику публицистики, совмещающей информативную функцию (сообщение информации) и функцию воздействия, эмоционального воздействия на адресата (читателя, слушателя, зрителя), поскольку автор всегда выражает свое отношение к тому, что он сообщает. Тенденцией к экспрессии обусловлен и соответствующий выбор образных языковых средств:

... and we flew up to the most northerly point of the British Isles, to the island of Unst in Shetland, where the air was bland and only as warm as fresh milk, and the accents were as blurred as the gentle noises of humble-bees [15, р. 18]. .... мы перенеслись в самую северную часть Великобритании на остров Анст, входящий в группу Шетландских островов, где воздух был нежным и теплым, как парное молоко, а звуки речи приглушенными, словно жуужжание шмеля [5, с. 19].¹

¹ В статье используется перевод с английского книги Дж. Даррелла «Натуралист на мушке, или Групповой портрет с природой» И. Замориной: Даррелл Дж. Натуралист на мушке. М.: Мир. 1990. 192 с.

From our vantage-point on the shoreline, we could see just opposite us an enormous stack, shaped like a giant slice of Cheddar cheese, sitting on its broad base a few hundred feet from shore [15, p. 29-30]. С нашего командного пункта был виден лежащий в сотнях футов от берега, прямо напротив нас, огромный утес в форме гигантского куска сыра чеддер, толстым краем уходящий в море [5, с. 29].

Десять глав книги – это 10 экосистем, каждая из которых имеет свои неповторимые особенности планетарного масштаба, создающие и удерживающие определенный экобаланс природы.

Экосистема – одно из основных понятий экологии, определяющаяся как биологическая система (биогеоценоз), состоящая из сообщества живых организмов (биоценоз), среды их обитания (биотоп), системы связей, осуществляющей обмен веществом и энергией между ними. Экосистемы могут быть естественными (природными) и антропогенными (созданными человеком). Естественные представляют собой луга, тундру, пустыни, леса, озера, моря и т.д., в искусственные входят города, различные микрокосмы от аквариума и до космического корабля.

Чаще всего, естественные экосистемы создаются непосредственно природой, но человек может принимать участие в их создании. Искусственные же создаются только человеком. В связи с развитием цифровизации и информационных технологий появилось новое употребление термина «экосистема» – цифровая экосистема. Цифровая экосистема предполагает разделение термина на внутреннюю и внешнюю экосистемы. Внутренняя направлена в первую очередь на сотрудников корпораций и улучшение (выстраивание, ускорение) внутренних бизнес-процессов, повышение эффективности сотрудников. Внешняя же работает с любым лицом, являющимся потребителем услуг и сервисов.

Представляется возможным выделить следующие экологические системы, описанные Дарреллом: 1) луга; 2) моря и океаны; 3) пустыни; 4) леса (тропические и смешанные); 5) город. Так, экосистема моря описывается Дарреллом следующим образом: *The sea is a wonderful world. It is as though we had another planet joined on to this, so diverse and bizarre are its life forms, so vastly rich and colourful. From a naturalist's point of view the lip of the sea is a fascinating ecosystem where many creatures live under the most topsy-turvy conditions, several feet deep in pounding waves for some periods, dry as a bone for others [15, p. 32]. Море – особый, удивительный мир. Это как бы другая планета со своей, отличной от нас жизнью, с неповторимыми, причудливыми и красочными формами. С точки зрения натуралиста, кромка моря – это увлекательнейшая экосистема, где многие создания живут, если можно так выразиться, шиворот-навыворот, находясь попеременно то в воде, на глубине нескольких футов, то на суше [5, с. 31–32].*

Путешествие автора и всей съемочной группы начинается с замечательного города **Абердин (Aberdeen)**, находящегося в Шотландии, главного морского и рыболовецкого порта, получившего прозвища «серебряный город», «гранитный город», «серебряный город в золотых песках», благодаря многочисленным постройкам из гранита серого цвета. А «золотые пески» есть не что иное, как огромная по протяженности знаменитая береговая линия Абердина.

Анст (Unst) – остров в северной части Шетландских островов, территория которого занята пастбищами и прибрежными скалами.

Шетландские острова (Shetland Islands) – острова континентального происхождения, поднявшиеся со дна океана в конце последнего ледникового периода. Все млекопитающие были завезены на острова людьми. Здесь живут домашние овцы, зайцы, одичавшие кролики, ежи, ласки и домовые мыши. Самые оживленные участки Шетландских островов – знаменитые птичьи базары на неприступных скалах.

Теплый и влажный Камарг (Camargue), природный парк в Провансе – это восемьсот квадратных километров засоленных лагун, болот и озер между двумя рукавами Роны и Средиземным морем. Здесь солнце и соль сжигают абсолютно все. Если опустить палец в озеро, он тотчас покроется белыми кристаллами. Жители из Верхнего Прованса говорят, что в Камарге добывают далеко не соль, а концентрат розового цвета, который фламинго разносят в разные части света. Здесь все закаты и рассветы словно растворяются в воде, превращая соляную местность в красивейшее полотно из розовых оттенков. Но здесь нашли свое пристанище лошади, быки, фламинго, более 300 видов перелетных птиц. Из растений особого упоминания заслуживает финикийский можжевельник высотой до 7 метров с обхватом ствола до полуметра, нежно-фиолетовая лаванда и синий чертополох.

Животный мир **Панамы (Panama)** – настоящее царство экзотики. Мангровые заросли на побережье Карибского моря, труднопроходимые джунгли на границе с Колумбией, влажные полу-

саванны на Тихоокеанском побережье на юге страны, чередующиеся с полу-листопадными лесами, с большим разнообразием обитающих здесь представителей животного мира Центральной Америки.

Национальный парк Райдинг Маунтин (Riding Mountain), находящийся на юго-западе канадской провинции Манитоба – уникальный заповедный уголок дикой природы во всей ее красе. Интересен национальный парк и тем, что на его территории находятся четыре резервации коренных индейцев, которые являются полноправными хозяевами здешних мест.

Национальный парк Нью Форест (New Forest) занимает территорию, которой Вильгельм Завоеватель 900 лет назад присвоил статус королевских охотничьих угодий. Здесь и по наше время сохранились участки древнего реликтового леса. По лесу и прилегающим к нему пустошам бродят дикие пони, которые давно стали неотъемлемой частью одних из самых живописных пейзажей на юге Англии.

Песчано-каменистая **пустыня Сонопа (the Sonora Desert)**, находящаяся в Северной Америке, – горячая тропическая кустарниковая пустыня, с древесно-кактусовыми редколесьями. Жара и засуха создают здесь очень непростые условия для жизни. Но несмотря на это, в пустыне обитает много различных видов животных.

Контрастно смотрится экосистема большого **Нью-Йорка (New York)**, который сами американцы, неведомо почему называют Биг Эппл, каменные джунгли, где даже земляные черви после дождя не могут спрятаться в укромном месте. Город, который дышит огромным количеством людей, где едва найдется свободное место для зеленых насаждений, оказывается не таким покинутым и далеким от природы. В самом центре большого города жизнь неумолимо берет свое. Первопроходцы жизни – мхи и лишайники; за ними появляется сорная трава, а уже потом, пробившись сквозь асфальт и мусор, – даже деревья. Стоит растениям немного обжиться, как объявляются поселенцы, многочисленные представители отряда беспозвоночных – многоножки, пауки, улитки, за которыми следуют птицы, мыши, а иногда жабы и змеи. Таким образом, даже обычный пустырь может оказаться для натуралиста-любителя местом обильного сбора дани [5].

Завершением цикла передач и самой книги является экосистема **острова Корфу (Corfu)**, который расположен в Греции. Писатель провел здесь свое детство, чему были посвящены другие его книги – «Трилогия Корфу», в которую входят «Моя семья и другие звери», «Птицы, звери и родственники», «Сад богов». Окружающая среда Корфу, напоминающего по форме кинжал, – это целый континент в миниатюре, он имеет чрезвычайно разнообразный ландшафт, от пышных лесов и зеленых гор до пустынных песчаных пляжей, напоминающих Сахару, и все они содержат уникальные экосистемы с богатым биоразнообразием.

Экотексты отличаются семиотикой, создающей подобия. Стремление к созданию подобия при переходе из одной семиотической системы (семиотического экологического кода) в другую (естественную языковую семиотическую систему) выражается в знаковой иконичности, провоцирующей возникновение чувственного образа в сознании, синестезии, активном использовании ольфакторных, гаптических средств невербальной семиотики, реализуемых в языке при помощи широкого арсенала соответствующих выразительных языковых средств – метафор, сравнений, эпитетов, аллюзий и т.д. Исследователи выделили когнитивные механизмы, которые лежат в основе иконических принципов кодирования объективной действительности. В них, наряду с механизмами подобия, отмечаются механизмы ассоциативной памяти, а также сходства, аналогии, подражания, распределения внимания, ментальных усилий и приоритетного означивания [2].

Механизмы подобия, сходства и аналогии проявляются наиболее выразительно на лексическом уровне языкового означивания, в метафорических образах, связывая когнитивный образ в сознании реципиента с объективной реальностью, соотнося разные пласты реальности с сознанием.

Так, автор сравнивает животный мир с элементами повседневной реальности. Тут и овцы, напоминающие взбитые сливки, и вороны, похожие на черные повязки для траура. Бабочки-парусники напоминают падающие лепестки цветущей вишни, океан ярко голубых цветов походит на Атлантический океан: *We moved on, the flocks of sheep like clotted cream on the green baize of the turf, the sun brilliant above us. Presently, the land started to drop away to precipitous cliffs and beyond was the Atlantic, blue as gentian flowers* [15, p. 23].

Two ravens, black as mourning-bands, flew slowly along the edge of the cliffs, cronking at one another dolefully. High in the sky, a lark hung and poured forth its wonderful liquid song. If shooting star could sing, I believe it would sing like a lark [15, p. 23].

Наряду с иконическими сравнениями, семиотика экотекстов отмечена многообразными оттенками цветового спектра, свойственными каждой отдельной экосистеме. В болотистой местности, например, преобладают коричневые краски; в пустыне все желтое из-за песка с элементами зеленых кактусов и небольших кустарников; среди хвойных лесов основной цвет – зеленый.

Известно, что зеленый цвет, как самый спокойный и самый безопасный цвет, в то же время имеет самый широкий диапазон оттенков, благодаря которым он приобретает движение развития и глубину звучания. Вечно зеленые леса Англии, дикая природа, животные, которые свободно перемещаются по высокой траве, многочисленные водоемы – тому свидетельство: **Pine forest like green fur crawling up their flanks and snow glinting on their peaks, with here and there...** [15, p. 99].

Голубой цвет отражает воду и небо, он символизирует воздушность, безмятежность, спокойствие, нежность и легкость. Дж. Даррелл использует для описания голубого неба необычные сочетания, такие как **forget-me-not-blue** (оттенок голубого, похожий на цвет незабудки), **flax blue** (лен Льюиса, имеющий оттенок от бледно-голубого до лавандового с примесью белого):

It was a glorious, golden afternoon, with the sky heat-hazy and a faded forget-me-not-blue. The grey weather that had greeted us had vanished in the night and the sky was flax blue... [15, p. 110].

В Абердине розы радуют не только взор, но и обоняние своими цветными, шелковистыми лепестками, раскрывая сразу два чувства: **streets lined with great beds of roses with huge multi-coloured petals, silk-soft, feasting the eye and the nose** [16, с. 19].

Экосистема Камарга состоит в основном из засоленных участков, где краски превращаются в розовые полотна, напоминая поле, на котором внезапно оказалось огромное множество розовых кристаллов драгоценных камней: **The tamarisk trees that grew along the banks were all wearing their untidy wigs of pale-dusty pink flowers and in places groups of yellow flags made blazes of colour, looking like huge pats of butter** from a distance [15, p. 44].

Экосистема Панамы особенна тем, что здесь тропические леса сочетаются с коралловыми рифами, с множеством морских обитателей – водорослей, губок, асцидий, рыбок, словно кортеж, окаймляющих коралловые островки, – оранжевых, алых, синих, желтых: **Here and there were small islands of coral, smouldering like great jewels, clad in multicoloured weeds, decorated with sponges and sea-squirts in vivid colours, each island with its retinue of fish – orange, scarlet, blue as midnight summer sky, yellow as a dandelion, striped, speckled, pleated and ruffled, shapes to defy the imagination** [15, p. 65].

Анализируемый нами текст отмечен синестезией (от др. греч. «вместе» + «ощущение»), понимаемой как единство восприятия, при котором раздражение одного органа чувств произвольно и последовательно вызывает реакцию другого. В литературе синестезия превращается в замысловатый троп, именуемый «особой формой метафоры», участвующей в создании художественного образа, воплощая сложность, многогранность чувственного восприятия мира. В литературных текстах наиболее часто отмечаются осязательные, зрительные, вкусовые и обонятельные типы синестезии.

Дж. Даррелл в основном обращается к зрительной синестезии, используя метафорические переносы, связанные непосредственно с этой категорией чувств: **The shallow sea was blood-hot and as clear as gin, with small flocks of multicoloured fish flipping and trembling over the sandy bottom** [15, p. 62–63].

A herd of gnu taking off is more like a ballet than anything, for they twist and buck and prance, one minute practically standing on their heads and the next minute leaping into the air and executing a complex pirouette [15, p. 152–153].

Одним из интересных аспектов синестезии является кинестетико-слуховая синестезия, которая представляет собой способность людей слышать звуки при наблюдении за движущимся предметом или различными вспышками, даже если происходящее не сопровождается реальными звуковыми явлениями. Так, например, Дж. Даррелл сравнивает красный мухомор с грохотом трубы: **But of all the fungi we saw I think the one that took my fancy the most was the fly agaric, the size of scarlet saucers, lighting up the gloom under the trees. This gaudy thing, flamboyant as a trumpet blast, is poisonous, as has been known since medieval times...** [15, p. 112].

Невербальная семиотика проявляет себя в ольфакции – в языке запахов, смыслах, передаваемых с помощью запахов. Запахи смешиваются между собой, заставляя читателя погрузиться в чувственный мир. Запах интересен тем, что в этом канале у человека нет того фильтра недоверия, который есть в слуховом или визуальном каналах. Запах может привести к научному открытию. Не случайно запахи-образы занимают позицию одного из значимых приемов воздействия на читателя.

К примеру, эмоцию отвращения у большинства людей вызывает гнилостный запах, а едкий запах – эмоцию страха. Хорошее настроение и удовольствие связано с запахом фруктов или цветов, интерес и удивление – с запахом перечной мяты. Muskusный запах приводит к чувству гнева и агрессии, а печальному настроению способствует запах камфары: *The city, with wide, tree-lined boulevards and its network of narrow alleyways redolent with fresh bread, drains, fruit, vegetables and cats, lay under the sun, shimmering and coming gently* [15, p. 17].

That lovely, rich fragrant smell of the forest enveloped us, the delicate scent of a million flowers, a thousand mushrooms and fruit, the perfume from a quadrillion gently rotting leaves in the simmering, ever changing, ever-dying, ever-growing cauldron of the forest [15, p. 73–74].

Проводя съемки на пустыре Нью-Йорка, команда Даррелла заинтересовалась гусеницами коконопрядами. Они отметили, что, направляясь из своего шатра к местам кормежки, гусеницы тянут за собой тонкую шелковую нить: *Ученые открыли, что каждая гусеница ароматизирует свой след и по ее запаху сородичи узнают кратчайший путь к местам кормежки. Ученых заинтересовал секрет, выделяемый из хвостовой части на животе гусеницы. Его можно было сравнить с тянущимся за идущей по комнате женщиной шлейфом духов «Шанель № 5» с той лишь разницей, что аромат духов означал вероятное любовное свидание, а секрет гусениц – наличие поблизости продовольственного склада. ... but what intrigued the scientists was what substance it was that the caterpillars secreted in the tail end of their abdomens that acted as the guiding scent, much as a beautiful woman might leave a trail of Chanel No. 5 as she crossed a room, caterpillars' scent denoting a supply of provender, the woman's scent a possible assignation* [5, p. 177].

Эффективное воздействие на сознание человека оказывает гаптика как язык касаний, тактильной коммуникации и как часть невербальной семиотики: *Turn the leaf over carefully and there would be the thumbnail-size emerald-green amphibian, moist and sticky as sweets, with huge dark eyes* [15, p. 43].

As it turned out, the horses they had chosen were massive, benign beasts who obeyed our every instruction, and the saddles, being built in American pattern, were as comfortable and as well padded as armchairs and about as difficult to fall out of [15, p. 55]. Даррелл активно использует возможности гаптики, предоставляя информацию о природных текстурах и поверхностях и выражая, тем самым, свое восприятие, отношение к описываемому.

Семиотика анализируемого текста как вербального, так и невербального характера безусловно преследуют цель позитивного воздействия на читателя, это призыв к более заинтересованному, внимательному отношению к миру вокруг нас, к миру, в котором мы живем, к его тайнам и сокровищам. На острове Корфу, размышляя об увиденном, Дж. Даррелл сформулировал свое отношение к миру, к его ценностям следующим образом: *«Someone once said to me that they could not understand what I saw in the olive groves – they were so dull and lifeless. For me, they housed an endless, fascinating pageant of creatures and in spring they were awash with flowers, as if someone had emptied a paintbox among the great, dark, gnarled trunks. They were anything but dull and lifeless»* [15, p. 202]. *«Кто-то однажды сказал мне, что не понимает, что необыкновенного можно найти под оливами – они такие скучные и неинтересные. Для меня же это был полный бесконечного множества живых существ огромный дом, превращавшийся весной в море цветов – казалось будто кто-то опрокинул ящик с красками среди огромных, темных, искривленных стволов. Разве такое можно назвать скучным и неинтересным?»* [5, с. 188]. И мир говорит с нами такими знаками, а писатель обращает их в знаки языка.

Таким образом, как явствует из вышеизложенного, в вопросе о месте экотекста (как типа текста) в типологической классификации текстов, следует исходить из его понимания как сложной знаковой единицы со своим сложным означаемым, сложной содержательной составляющей, и сложным означающим вербального и невербального характера, с широким арсеналом выразительных стилистических языковых средств, указывающих на сложные когнитивные механизмы кодирования объективной действительности – ассоциативной памяти, подобия, сходства, аналогии и т.д. – проявляемыми на разных уровнях языкового означивания. При таком подходе уместно учитывать ряд показателей как дескриптивного (описательного), тематического, информационного, функционального, так и структурно-семиотического характера. Столь широкий диапазон классифицирующих характеристик объясняется многоаспектной природой текста, а также тем, что один и тот же текст может принадлежать разным типологическим группам с разными типологическими признаками, объективно существующими в тексте.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоглазова Е. В. Типология текстов: история, проблемы, перспективы. Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов. 2013 // URL: <http://www.arts.spbu.ru/files>
2. Вильчикова Е. В. Когнитивные основы иконического кодирования в медиадискурсе (на материале английского и нидерландского языков). Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Кемерово, 2013. 26 с.
3. Воронова В. В. Экотекст как объект лексико-стилистического анализа // *Lingua mobilis*. № 2 (28), 2011. С. 70–73.
4. Гречишкина С. В. К вопросу исследования современной литературы о природе: аспекты изучения эколите- ратуры // *Вестн. Томск. гос. ун-та*. 2004. № 387. С. 8–14.
5. Даррелл Дж. *Натуралист на мушке*. М.: Мир, 1990. 192 с.
6. Иванова Е. В. К проблеме исследования экологического дискурса // *Политическая лингвистика*. Екате- ринбург, 2007. Вып. 3 (23). С. 134–138.
7. Константинова Н. В. Некоторые особенности экотекста // *Основные проблемы гуманитарных наук*. Сборник трудов по итогам международной научно-практической конференции. Волгоград, 7 ноября 2014 г. Волго- град: Издательство: Инновационный центр развития образования и науки, 2014. С. 49–51.
8. Лихачев Д. С. *Заметки о русском*. М.: КоЛибри, Азбука Аттикус, 2014. 480 с.
9. Олешков М. Ю. *Основы функциональной лингвистики: дискурсивный аспект: учеб. пособие*. Нижний Та- гил, 2006. 146 с. // URL: http://pedlib.ru/Books/4/0465/4_0465-59.shtml#book
10. Пушина Н. И. К вопросу о типологических особенностях экотекстов // *Теория и практика языковой комму- никации*. Материалы Международной научно-методической конференции. Уфа 21–22 июня 2018 г. Уфа : УГАТУ, 2018. С. 252–260.
11. Солганик Г. Я. *Стилистика текста: Учеб. Пособие*. М.: Флинта; Наука, 2000. 253 с.
12. Типология и особенности текстовой типологии // URL: <https://ru.thpanorama.com/articles/literatura/tipologa- textual-caracteristicas-y-tipos.html>
13. Ученова В. В., Шомова С. А. *Полифония текстов в культуре*. М.: Омега-Л, ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2003. 302 с.
14. Чаплина С. С. Понятие «тип текста»: принципы дефинирования и проблемы классификации // *Вестник Бу- рятского госуниверситета*. 2009. № 11. С. 132–137.
15. Durrell G. *How to Shoot an Amateur Naturalist*. Boston; Toronto : Little, Brown and Company, 1984. 205 p.
16. Oerlemans O. *Romanticism and the Materiality of Nature*. Toronto. Buffalo. London: University of Toronto Press, 2004. 253 p.
17. Rosendale S. *Extending Ecocriticism // The Greening of Literary Scholarship: Literature, Theory and the Environ- ment*. Iowa, 2002. P. 15–29.
18. *The Ecocriticism Reader. Landmarks in Literary Ecology*. Edited by Cheryll Glotfelty and Harold Fromm. Athens and London: The University of Georgia Press. 1996. 409 p.

Поступила в редакцию 11.01.2022

Пушина Наталья Иосифовна, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории языка, межкультурной коммуникации и зарубежной литературы
E-mail: pushinanatalia@yandex.ru

Широких Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка,
межкультурной коммуникации и зарубежной литературы
E-mail: elshirokih@gmail.com

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)

N.I. Pushina, E.A. Shirokikh
ECOTEXT IN TEXT LINGUISTICS

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-4-742-751

The article is devoted to ecotext as one of the text types in text linguistics. Modern text linguistics studying structure, semantics and text functioning is multisided and multidimensional in its interaction with the problems of discourse, semiotics, narratology, psycholinguistics which is explained by the extension and modification of the notion «the text» because of its heterogeneity and multimodality. Extension of the typological range of texts includes the problem of their typology into the agenda again. Ecotext as a comparatively new type of the text may fill one of the lacunas of text ty-

pology and contribute to the solution of the question on the creation of general, global and universal typology which could embrace all text diversity.

Keywords: ecotext, text linguistics, text typology, universal typology, heterogeneity, multimodality, semiotic sign.

REFERENCES

1. Beloglazova E. V. Tipologiya tekstov: istoriya, problemy, perspektivy [Text Typology: History, Problems, Perspectives] Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet ekonomiki i finansov [St Petersburg University of Economics and Finance], 2013 // URL: <http://www.arts.spbu.ru/files>. (In Russian).
2. Vil'chikova E. V. Kognitivnye osnovy ikonicheskogo kodirovaniya v mediadiskurse (na materiale anglijskogo i niderlandskogo yazykov). [Cognitive Foundations of Iconic Coding in Mediadiscourse in English and Dutch] Avtoref. ... dis. kand. filol. nauk. [PhD Dissertation Abstract]. Kemerovo, 2013. 26 s. (In Russian).
3. Voronova V. V. Ekotekst kak ob"ekt leksiko-stilisticheskogo analiza [Ecotext as the Object of Lexico-stylistic Analysis] // *Lingua mobilis*. № 2 (28), 2011. S. 70–73. (In Russian).
4. Grechishkina S. V. K voprosu issledovaniya sovremennoj literatury o prirode: aspekty izucheniya ekoliteratury [On the Question of Modern Literature Research of Nature] // *Vestn. Tomsk. gos. un-ta* [Tomsk State University Journal]. 2004. № 387. S. 8–14. (In Russian).
5. Darrell Dzh. Naturalist na mushke [How to Shoot an Amateur Naturalist]. Moscow : Mir, 1990. 192 s. (In Russian).
6. Ivanova E. V. K probleme issledovaniya ekologicheskogo diskursa [On the Problem of Ecological Discourse Research] // *Politicheskaya lingvistika*. [Political Linguistics]. Ekaterinburg, 2007. Issue 3 (23). P. 134–138. (In Russian).
7. Konstantinova N. V. Nekotorye osobennosti ekoteksta [Some Peculiar Features of Ecotext] // *Osnovnye problemy gumanitarnyh nauk. Sbornik trudov po itogam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. [The Main Problems of Humanities. The Collection of the International Scientific-practical Conference Proceedings]. Volgograd, 7 noyabrya 2014 g. Volgograd: Izdatel'stvo: Innovacionnyj centr razvitiya obrazovaniya i nauki [Volgograd, November 7, 2014. Volgograd: Innovation Centre of Education and Science Development, 2014. P. 49–51]. (In Russian).
8. Lihachev D. S. Zametki o ruskom. [Notes on Russian Culture]. Moscow.: KoLibri, Azbuka Attikus, 2014. 480 s. (In Russian).
9. Oleshkov M. Yu. Osnovy funkcional'noj lingvistiki: diskursivnyj aspekt: ucheb.posobie [The Fundamentals of Functional Linguistics: Descriptive Aspects: Study Guide]. Nizhnij Tagil, 2006. 146 s. URL: http://pedlib.ru/Books/4/0465/4_0465-59.shtml#book (In Russian).
10. Pushina N. I. K voprosu o tipologicheskikh osobennostyakh ekotekstov. [On the Question of Ecotexts Typology] // *Teoriya i praktika yazykovoj kommunikacii. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoj konferencii [Theory and Practice of Language Communication International Science and Methodology Conference / Ufa: Ufa State Aviation Technical University, June 21–22, 2018.]*. Ufa : UGATU, 2018. S. 252–260. (In Russian).
11. Solganik G. Ya. Stilistika teksta: Ucheb. Posobie. [Text Stylistics: Study guide]. Moscow: Flinta; Nauka, 2000. 253 s. (In Russian).
12. Tipologiya i osobennosti tekstovoj tipologii [Typology and Text Typology Peculiar Features] // URL: <https://ru.thpanorama.com/articles/literatura/tipologa-textual-caractersticas-y-tipos.html> (In Russian).
13. Uchenova V. V., Shomova S. A. Polifoniya tekstov v kul'ture [Text Polyphony in Culture]. Moscow: Omega-L, IMPE after. A.S. Griboedov, 2003. 302 p. (In Russian).
14. Chaplina S. S. Ponyatie «tip teksta»: principy definirovaniya i problemi klassifikacii [The Notion «Text Type»: Definition Principles and Classification Problems] // *Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta* [Journal of Buryat State University]. 2009. № 11. C. 132–137. (In Russian).
15. Durrell G. How to Shoot an Amateur Naturalist. Boston; Toronto: Little, Brown and Company, 1984. 205 p. (In English).
16. Oerlemans O. Romanticism and the Materiality of Nature. Toronto. Buffalo. London: University of Toronto Press, 2004. 253 p. (In English).
17. Rosendale S. Extending Ecocriticism // *The Greening of Literary Scholarship: Literature, Theory and the Environment*. Iowa, 2002. P. 15–29. (In English).
18. The Ecocriticism Reader. Landmarks in Literary Ecology. Edited by Cheryl Glotfelty and Harold Fromm. Athens and London: The University of Georgia Press. 1996. 409 p. (In English).

Received 11.01.2022

Pushina N.I., Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Language Theory,
Intercultural Communication and Foreign Literature
E-mail: pushinanatalia@yandex.ru

Shirokikh E.A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Language Theory,
Intercultural Communication and Foreign Literature
E-mail: elshirokikh@gmail.com

Udmurt State University
Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034